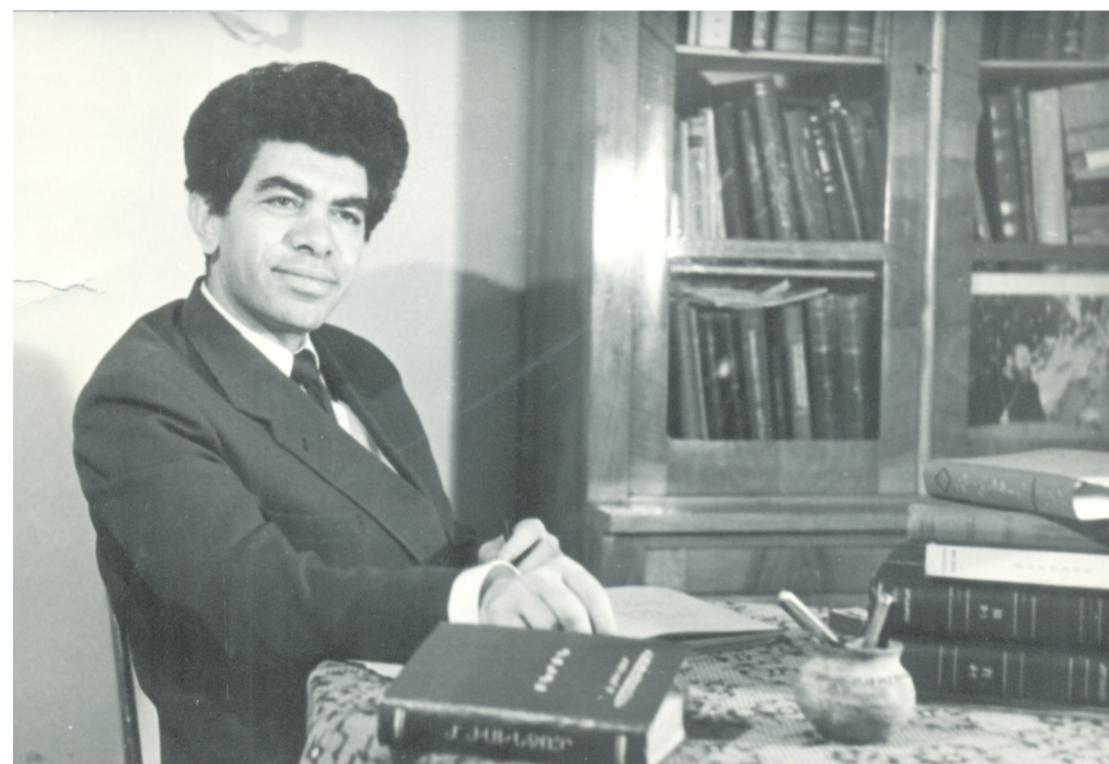

Классики и современники

Неумолкаемая колокольня Паруйра Севака

В конце января исполняется 90 лет со дня рождения Паруйра Севака — выдающегося армянского поэта. Он родился в 1924 году в далёком селении Чанахчи, его родители не имели даже начального образования, но их сын так рано обнаружил свои выдающиеся способности, что уже с 8-го класса составлял конспекты для учителей, по которым они вели занятия. Естественно, Севак с отличием окончил школу и следом Ереванский государственный университет. Первый же его сборник стихов «Бессмертные повелевают», изданный в 1948 году, показал, что в армянскую литературу пришёл талантливый и самобытный поэт.

В 1951 году Севак поступил в Литературный институт им. А.М. Горького, который также закончил с отличием. Более того, руководство Литинститута сразу назначило вчерашнего студента старшим преподавателем, что было редчайшим, даже уникальным случаем. И подобных событий в жизни Севака будет ещё немало. Так, изданная в ноябре 1959 года поэма «Неумолкаемая колокольня» сразу и безоговорочно завоевала умы и сердца всего армянского народа. В 1963 году был издан сборник стихов и поэм «Человек на ладони», вызвавший бурное обсуждение в обществе и, по общему мнению специалистов, поднявший армянскую поэзию на новый уровень. В 1967 году за представленную к защите кандидатскую диссертацию Севаку сразу была присуждена степень доктора филологических наук. Это первый подобный факт в истории советской Армении и, возможно, всего СССР. Тираж изданного Севаком в 1969-ом сборника «Да будет свет» был арестован, и несмотря на это опальная книга стала очредным выдающимся событием в истории армянской поэзии.

На русском языке в Москве дважды было издано «Избранное» поэта. Севак перевёл на армянский многие произведения Пушкина, Лермонтова, Есенина, Маяковского и других классиков и современников. Паруйр Севак трагически погиб 17 июня 1971 года вместе с женой Нелли.

О том, каким человеком был Паруйр Севак, мы решим рассказать нескользкими новеллами, написанными учеником Севака и нашим коллегой, членом исполнкома МСПС, секретарем СП России, известным учёным и писателем Альбертом Оганином, а также представить творчество Севака в переводе его друга, выдающегося русского поэта Станислава Куняева.

Самый дорогой подарок

В конце декабря 1968 года официальные представители Союза писателей ССР и Постпредства Армении в Москве встречали в Шереметьево группу армянских писателей: Паруйра Севака, Вардеса Петросяна, Сармена, Анаит Саинян и других, которые возвращались из командировки в Париж. Среди встречающих были и я, тогда ещё молодой писатель, но, тем не менее, удостоенный просьбы мэтров поучаствовать в этой церемонии.

Для известных поэтов и прозаиков были забронированы одна из лучших гостиниц ССР — «Москва». Добрались до неё, все разместились в креслах холла и начали оживлённо беседовать, делиться парижскими впечатлениями в окондании оформления.

Писатели стремились оказаться рядом с Севаком. Я же сидел в сторонке, как положено молодому в кругу выдающихся писателей, стараясь не привлекать к себе внимания. Севак вдруг открыл свою большую сумку, достал из неё толстую книгу и поднял вверх, демонстрируя присутствующим. На обложке был рисунок — композитор Комитас во весь рост, — я видел это изда-

ние на ереванской выставке. Севак обратился к писателям:

— Дорогие друзья! Я взял во Францию всего три экземпляра этой книги. Да из них подарил достойным людям, которые смогут это прочитать, понять и оценить... А этот, третий экземпляр, побывал со мной в нескольких городах Франции, но так и не нашёл своего читателя. И вот сегодня, когда мы благополучно вернулись в Москву, я хочу подарить свою «Неумолкающую колокольню» моему младшему брату, молодому писателю Альберту Оганину.

Там же, в холле гостиницы поэт сделал дарственную надпись на титульном листе: «Моему очень любимому Альберту — человеку с дивным сердцем. С искренней любовью П. Севак. 26 декабря 1968 года».

Чуть позже Вардес Петросян заказал в свой номер ужин, пригласив на него Севака и меня. За литературными разговорами мы прошли почти до утра... Конечно, я это денег не забуду никогда, да и каждая встреча с Севаком была для меня неповторимым праздником, радостью от общения с гениальным поэтом и учёным.

Поэме «Неумолкаемая колокольня» написано очень много, но я обязан сказать хотя бы вкратце, почему это произведение по праву заняло своё место среди шедевров армянской литературы — одной из древнейших в мире. Пролежав весь путь армянской поэзии (более 16-ти веков), я пришёл к выводу, что после поэмы Григора Нарекаци «Книга скорби» (Х век) второй необходимо назвать именно поэму Паруйра Севака «Неумолкаемая колокольня» как самое крупное и выдающееся произведение, своего рода энциклопедии жизни армянского народа, ярче и обёмнее других отобразившего его место в истории человечества. Материалы для поэмы Севак собирали много лет, но само произведение писал в 1957-1958 годах и, в основном, в Москве. Название поэмы пришло к нему после звонов в ночной тишине колоколов русской церкви, находящейся недалеко от Кремля. Заглавие «Неумолкаемая колокольня» — несомненная находка автора, отражающая всю суть сочинения.

Поэма посвящена жизни и творчеству

великого армянского композитора Комитаса, однако в ней очень талантливо сплавляется в единое целое и великие дни армянского народа, и трагедия его геноцида, и другие важные события. Всё это в поэме раскрывается через образ Комитаса. Даже Маштоц — создатель армянской письменности (V век) — становится рядом с ним.

Изданная впервые в Ереване в 1959 году, поэма состоит из шести трезвонов (частей) в которых 46 звонов (глав). Общий объём — почти восемь тысяч строк. Второе, переработанное и дополненное из-

дание с замечательными иллюстрациями народного художника ССР Гр.Ханджяна увидело свет в 1966 году. И мне почастливилось получить экземпляр именно этой прекрасной книги. Позже произведение было издано за рубежом: в Ливане, Иране, США и других странах.

После выхода поэмы в свет популярность Севака росла в геометрической прогрессии и достигла такого уровня, что в дневные часы он просто не мог свободно пройти по улице пешком — тут же к нему устремлялись и стар и млад, просили автографы...

По воле жителей селения Чанахчи, где родился и похоронен Севак, оно было переименовано в честь любимого поэта и его великой поэмы в Зангакатун (Колокольня).

Среди множества восторженных отзывов о поэме в память особенно врезалось мнение Андрея Вознесенского, который в 1971 году написал о своём соображении: «В глупой поэме «Неумолкаемая колокольня» он раскачал колокол познания по страшной амплитуде от Комитаса до наших дней».

Прошло 46 лет после получения самого дорогоего в моей жизни подарка, и я впервые

пишу о нём в печати. Думаю, эта уникальная книга должна находиться в музее Севака. Я так с ней и поступлю: в ближайшие годы буду в Ереване, а там уже и домузея недалеко...

командировке в Индии. Я их провожал и встречал в Шереметьево.

А тогда, в 1972-ом, почти неделю Левон Мкртчян на своей «Волге» возил Станислава Юрьевича, его сына Сергея и поэта Игоря Печенева по достопримечательным местам Армении. Они посетили кафедральный собор Эчмиадзина, целый день рыбачили на озере Севан, побывали в институте древних рукописей — Матенадаране, а также в роскошном музее Сарьяна, в мастерской у знаменитого художника Минаса и, конечно, возложили цветы на могилу Паруйра Севака.

— Никогда не забуду нашу поездку по Армении. Это было восхитительно! Левон Мкртчян не только талантливый писатель и учёный, но и человек необыкновенно щедрой души — неоднократно признавалася мне друг армянской литературы Станислав Куняев. При этом он каждый раз добрым словом вспоминал и своего спасителя Мкртчяна целиком были в творческой

Армению. Гостиами в моём доме буде...

Мы погостили в Горице у Левона Ба-баевича и вернулись в Москву.

Необходимо отметить, что Севак погиб всего за год до того, в июне 1971-го, и эта смерть ещё больше усилила всенародную любовь к его творчеству. И то, что русский поэт наизусть прочитал стихи великого армянского поэта, конечно же, привело в восхитительных друзей Станислава Куняева, который понял, что в Армении ему будет оказан самый теплый привет, поскольку он перевёл на русский язык и стихи живого классика Амо Сагяна, а также восходящую звезду Размика Давояна. Кроме того, у Станислава Юрьевича к тому времени сложились братские отношения с захватывающим кафедрой русской литературы Ереванского университета Левоном Мкртчяном, который спустя несколько лет стал основателем и первым ректором Армяно-славянского университета. Забегая чуть вперёд, хотел бы добавить, что через четыре года, то есть в 1976-ом, Куняев и Мкртчян целиком были в творческой

родственником!

— Это от моего любимого учителя Паруйра Севака. Дорогая Люсин, я хочу, чтобы вы запомнили, Севак — один из самых гениальных сынов армянского народа и на сегодня, на мой взгляд, наш лучший поэт, писатель и учёный. И он покорён вами!

— Дорогой Альберт, ты обещал ещё раз прочитать стихи для меня...

— Да, конечно, с удовольствием...

В ресторане мы победали очень скромно. Даже бутылку шампанского не допили до конца.

Вернувшись, я ещё раз не торопясь прочитал статью Севака, одновременно объясняя сложные предложения на восточно-армянском литературном языке. Певица была в восторге и в конце даже прослезилась.

— Я очень благодарна вам, Альберт, вы стали моим братом, и я хочу кое в чём признаться. Я на большой сцене более 20 лет. С гастролями выступала в лучших театрах не только Америки, но и всей Европы. Обо мне вышли сотни публикаций во всемирно известных газетах и журналах. Но статья Севака, я убеждена, самая лучшая. Она уникальна ещё и в том смысле, что с первой строчки и до последней она очень нежно объясняется в своей любви ко мне. Дивный писатель и дивный человек...

— Ты дивный молодой человек! В Америке каждая такая веточка мимозы стоит от 5 до 10 долларов. К нам их везут из Европы... Я раздари цветы всем моим

знакомым в гостинице в Нью-Йорке.

В те сложные годы я даже и не знал, как ответить на искреннее приглашение выдающейся певицы.

На следующий день я позвонил в Ереван Севаку, который очень ждал моего звонка...

Мимозы для Люсин Амара

После выхода статьи я тебе позвонил и, может быть, удастся отправить в Москву хотя один номер, чтобы передать ей... Очень надеюсь, что ты выполнишь мою просьбу.

Поступил, было почти темно. Поблизости никакого населённого пункта. На каменистом берегу уже лежали несколько крупных форелей. Мы стали разглядывать свой улов, как вдруг над нашими головами раздался звук автомобильного клаксона. По склону к нам решительно спускались двое мужчин. Один из них в синем френче и галифе строго глянул на нас:

— Почему рыбу ловите? Кто разрешил?

Рядом с ним стоял двухметровый

риалом и фотоснимком, очень обрадовалась. И тут же попросила прочитать статью и рассказать о её авторе, что я с великом удовольствием выполнил. Мне кажется, после эмоционального рассказа о прекрасных стихах и поэмах Паруйра Севака певица просто влюбилась в него.

Стоит заметить: статья была написана на высочайшем профессиональном уровне, несмотря на то, что автор подчеркнул, что он «не музыкант и не музыковед», а писатель, и что это лишь его личное впечатление от концерта. Севак, конечно, скромничал. Такую статью, на мой взгляд, мог написать только человек, имеющий соответствующую подготовку и знающий историю классической музыки... Откуда же такие познания у Севака? Я догадалась, что он ознакомился с наследием гениального композитора Комитаса — одного из главных героев своей бессмертной поэмы. Но после статьи стало ясно, что Севак изучил не только Комитаса, но и вообще всю мировую историю музыки...

Сложилась очень сложная ситуация для Люсин Амара, я познакомил композитору Арно Бабаджаняну, с которым мне посчастливилось в те годы иметь дружеские отношения. Он тогда был одной из самых популярных личностей Советского Союза, и, конечно, не знал ни от кого отказа.

Когда всё прояснилось с концертом Люсин Амара, я познакомил композитору Арно Бабаджаняну, с которым мне посчастливилось в те годы иметь дружеские отношения. Он тогда был одной из самых популярных личностей Советского Союза, и, конечно, не знал ни от кого отказа. Арно Бабаджанов привёл меня в Московскую консерваторию через служебный вход. Мы заняли свои места в ложе.

После первых же номеров Бабаджанян стал шептать мне на ухо: «Как здорово,

что мы пришли сюда! Она действительно великая певица, а к тому же красавица, высокая и стойкая. Среди армянских певиц никогда не видел такой!»

Концерт был фантастическим и прошёл с огромным успехом. После мы с Бабаджаняном прошли за кулисы. Я снова вручил розы Люсин Амаре и представил ей Арно Арутюновича. Певица обрадовалась и на армянском сказала, что очень рада, поскольку знает Бабаджаняна и его музыку: «Вы большой композитор...»

На следующий день, согласно договорённости, я должен был в полдень заехать в гостиницу «Минск», чтобы пообщаться и попрощаться с великой певицей — вечером она улетела в США. Поэтому утром взял курс прямо на Центральный рынок. Меня, конечно, интересовали цветы, но в кармане было всего около 70 рублей, которых с трудом хватило бы на предстоящий обед...

Проходя вдоль длинного цветочного ряда, я размышляла, что делать и как быть в этой ситуации. И вдруг ко мне подошёл симпатичный, хотя и не бритый молодой человек, поздоровался за руку и обратился на прекрасном грузинском языке: «Ты же помнишь меня, я — Мишико!» Я не растерялась, а, наоборот, очень обрадовалась такой встрече, хотя, хоть убей, никак не могла его вспомнить. Предположил, что он наверняка знает меня по Тбилиси, по Авлабару. И радушно ответил по-грузински. Мишико столь же радушно продолжил беседу:

— Дорогой брат, в этих цветочных рядах я один из главных. Скажи мне, что тебе надо?

— Мишико, может, ты помнишь, что я

занимался шахматами...

— Конечно, помни! Весь Авлабар знает об этом...

Все знают, что был чемпионом Авлабара и всего района 26 комиссаров.

— Мишико, генацвале (мой дорогой), в Москве прилетают Нона Гаприндашвили и другие наши шахматистки, чтобы участвовать в чемпионате СССР. Надо

достойно встретить их в аэропорту...

— согрели я, тут же придумав историю о шахматистках. Да прости меня читатель, но ведь это был грехово благо.

— Всё, всё, я поняла, мой дорогой, за две минуты было сделано...

Он подошёл к продавцам и громко на грузинском бросил крич:

— Срочно для Ноны Гаприндашвили по две-три веточки мимозы...

Здесь необходимо отметить, что первые мимозы появились на московских рынках незадолго до того, и сама маленькая ветка стоила с рубля — дороже роз.

Мишико лично собрал огромную охапку цветов и передал мне. Я был очень растроган, поблагодарил его, мы обнялись, поцеловались, попрощались...

Буквально вдальневший от радости я сел в такси с огромной охапкой мимоз и до гостиницы «Минск